

мый человеком в корыстных целях, — спрашивает Херасков в оде «О разуме». И сам отвечает на этот вопрос. Разум нужен человеку, чтобы «от скотины в сей жизни отменяться / И к Богу возвышаться» (с. 283). Этому может способствовать правильное воспитание, которое даст возможность «расчистить разум», посеять и взрастить добрые «семена» («О воспитании», с. 244). Сравнение человека и животного Херасков продолжил через несколько лет в оде «Сравнение». Животные, по его мнению, обладают преимуществами перед человеком. Они не подвержены суете, лишены честолюбия («не ведают чинов»). «Скоты» несовершенны, так как лишены ума. Человек несовершенен, так как его ум направлен на корысть. Отличают человека от скотов только «добрые дела» (с. 377–379).

Отрицая всемогущество разума в сфере морали, Херасков задается вопросом об источнике нравственного чувства у человека. В его рассуждениях появляется всеобъемлющая и вечная категория — добродетель, «дщерь небес». Она царствует среди «разных народов» и не может истребиться вовек. «Уставами» добродетели должен руководствоваться человек в своей жизни («О силе добродетели», с. 255–257; «О добродетели», с. 299–300). Люди ищут благополучия в земных утех, Херасков предлагает им иное: преодоление страстей и желаний. Высшая степень благополучия, по его мнению, — возможность ощущать себя счастливым и в несчастьи.

Позднее в идеологии масонства появился символ креста, как испытания, которое достойно, не ропща, должен нести человек в своей земной жизни. В связи с этим возник особый интерес к фигуре «великого крестоносца», библейского бунтующего страдальца Иова, в котором масоны видели именно страдальца, а не бунтаря. Мысль о необходимости терпения, подавления воли в себе много раз будет повторяться в письмах Н. И. Новикова. Своим адресатам он давал советы в духе сатирических лечебников: «терпение, покорность, постоянство, долготерпение, преломление собственной воли и проч., и проч., все смешав, употреблять по утру и вечеру по столовой ложке».²²

Свой следующий поэтический сборник, опубликованный в 1769 году, Херасков назвал «Философические оды или песни», тем самым подчеркнув важность их содержания. В этом сборнике в полной мере проявился «яд просвещения» — «новая привычка к умственной работе», работе «отвлеченного мышления».²³

В познании человека и мирового порядка Херасков придавал особое значение поэтическому творчеству. Он полагал, что истинный поэт, разум которого «чист» и «светел», чье сердце ощущает людские страсти и кто способен точно изобразить «их силу и движенье, болезнь, изнеможенье», такой поэт способен «проникнуть» и «связи всей природы» («О важности стихотворства», с. 266). Таким образом, поэзия, по мнению Хераскова, могла преодолеть трудности в изложении «собственной науки человека» — нравоучения. О большом значении нравоучения для отдельной личности и общества в целом и о сложностях в его истолковании говорилось в ма-

²² Новиков Н. И. Письма. СПб., 1994. С. 53, 109, 136.

²³ Семека А. В. Русское масонство в XVIII в. // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1914. С. 135.